

Лингвистика

УДК 811.111

Н.М. Якубова

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИСКУРСА ЧЕЛОВЕКА СОМНЕВАЮЩЕГОСЯ

В статье анализируется несобственно-прямая речь как один из способов репрезентации дискурса человека сомневающегося. Он производится посредством речевых актов экспликации сомнения и/или значимых жестов, а его репрезентация в художественном произведении представляет собой повествование о переживаемом персонажем сомнении. Установлено, что репрезентация дискурса человека сомневающегося происходит через «Я»-модусную рамку при использовании несобственно-прямой речи, представленной вопросительными предложениями.

Ключевые слова: сомнение, дискурс, репрезентация дискурса человека, несобственно-прямая речь, «Я»-модусная рамка.

ELDERLY PEOPLE'S ATTITUDE TO LIE

The attitude towards lie throughout centuries changed: from a total ban to the partial justification. In structure of moral categories the lie is mainly considered as a negative phenomenon. Various manifestations of lie, deception, and fraud are constantly found in interpersonal communication. It can lead to strengthening of tendencies of mutual distrustfulness in the environment and society. There was conducted a comparative analysis of results after carrying out the research of attitude towards lie among the youth and the elderly.

Key words: lie, attitude towards lie, manifestations of lie, lie signs, distortion of truth, credibility.

Внутренний мир персонажа – это смысловая доминанта художественного текста. Тщательный анализ мыслей и ощущений героев способствует более глубокому пониманию и интерпретации художественного произведения. Изучение языковых особенностей контекстов, в которых фиксируются чувства, внутренние состояния, переживания, является инструментом, позволяющим раскрыть мотивацию поступков персонажа, сформировать его образ и в конечном итоге раскрыть авторский замысел. Основные средства и способы репрезентации внутреннего мира героя в настоящее время изучены недостаточно полно [3, с. 168].

Объектом исследования в работе является репрезентация дискурса человека сомневающегося, а предметом – один из способов данной репрезентации – несобственно-прямая речь.

В настоящий момент существует множество определений термина «дискурс». По мнению Т.А. ван Дейка, полноценное понимание дискурса основано на его контекстуальной природе, по-

сколькo дискурс – сложное и многоплановое коммуникативное явление, сочетающее в себе в процессе коммуникации самые разнообразные экстралингвистические факторы. В широком смысле дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие [6, с. 53].

Похожую точку зрения высказывает и С.И. Виноградов, рассматривающий дискурс как «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» [5, с. 139].

Широкого понимания дискурса придерживается также С.Н. Плотникова, которая определяет его как «непрерывно возобновляемое или законченное, фрагментарное или цельное, устное или письменное сообщение» [11, с. 132]. Исследователь указывает на то, что «дискурс порождается не языком, а личностью, пользующейся языком или другой семиотической системой для выражения определенных смыслов» [11, с. 131]. Иными словами, дискурсивной личностью может быть «человек говорящий, пишущий, <...> танцующий, рисующий, играющий на музыкальном инструменте и т. д.» [Там же]. Человек сомневающийся – это тоже дискурсивная личность, поскольку она транслирует (намеренно или неосознанно) во внешнюю среду (собеседнику) дискурс сомнения. Однако дискурсивная личность человека сомневающегося не всегда представляет собой языковую личность. Если дискурс сомнения передан невербально (при помощи мимики, пантомимики, голоса), у человека сомневающегося дискурсивная и языковая личности не совпадают. И наоборот: если сомнение выражается вербально, то дискурсивная и языковая личности совпадают.

Исходя из всего сказанного, мы предполагаем, что дискурс человека сомневающегося осуществляется конкретной дискурсивной личностью, которая производит соответствующий дискурс посредством речевых актов экспликации сомнения и/или значимых жестов.

Исследование данного дискурса проводилось на материале английских и американских художественных произведений XX в. Мы приняли точку зрения С.Н. Плотниковой о тождестве миметического персонажа и человека, о тождестве естественной коммуникации и художественной коммуникации между миметическими персонажами. Следовательно, «используемые в такой художественной коммуникации языковые факты можно считать аутентичными и привлекать их для анализа естественного языка» [10].

В художественном произведении актуализируются каноническая и неканоническая коммуникативные ситуации (речевой и нарративный режимы), в которых осуществляется бытовое и бытийное общение. Так, в канонической коммуникативной ситуации дискурс человека сомневающегося представляет собой бытовое общение, характеризующееся «спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний» [8]. Соответственно, в неканонической коммуникативной ситуации репрезентация дискурса человека сомневающегося представляет собой бытийное общение, которое носит развернутый характер, отражает внутренний мир субъекта сомнения. «Бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы, философскими и психологическими интроспективными текстами» [9, с. 240]. Иными словами, репрезентация дискурса человека сомневающегося – это повествование о переживаемом персонажем сомнения.

Анализ репрезентации дискурса человека сомневающегося позволил выявить определенные способы языкового представления сомнения в нарративном режиме. Одним из таких способов является несобственно-прямая речь.

К проблеме несобственно-прямой речи обращались зарубежные и отечественные лингвисты. Впервые в научной литературе явление несобственно-прямой речи отмечено А. Тоблером в 1887 г. и определяется как своеобразное смешение прямой и косвенной речи. Большой вклад в понимание несобственно-прямой речи внес М.М. Бахтин. Он считал данное явление результатом взаимодействия и взаимопроникновения речи автора и речи персонажа («чужой речи»). В несобственно-прямой речи автор пытается представить чужую речь, исходящую непосредственно от персонажа, без авторского посредничества. При этом автор не может быть полностью отстранен, и в результате получается наложение одного голоса на другой, «скрещение» в одном речевом акте двух голосов, двух планов – автора и персонажа. М.М. Бахтин называет эту особенность несобственно-прямой речи «двуголосостью» [1, с. 117].

Согласно определению М.М. Бахтина, несобственно-прямая речь – это такие высказывания (сегменты текста), которые по своим грамматическим и композиционным свойствам принадлежат одному говорящему (автору), но в действительности совмещают в себе два высказывания, две речевые манеры, два стиля [2, с. 118]. Подобное совмещение субъектных планов автора и персонажа составляет сущность несобственно-прямой речи. Это изложение мыслей или переживаний персонажа, грамматически полностью имитирующее речь автора, но по интонациям, оценкам, смысловым акцентам следующее ходу мысли самого персонажа [14, с. 27].

Принимая во внимание мнения исследователей, занимающихся изучением несобственно-прямой речи, мы делаем вывод, что это – один из способов передачи чужой речи, характеризующийся речевым взаимодействием автора и персонажа (А.А. Андриевская, М.М. Бахтин, К.А. Долинин, Г.Г. Инфантова, Л.А. Соколова и др.).

Отметим еще одну выявленную исследователями особенность: основная функция несобственно-прямой речи заключается в изображении ситуации *изнутри*, что предполагает описание событий или внутреннего состояния персонажа с точки зрения его самого либо «всевидящего повествователя». В таком случае автор встает на точку зрения персонажа, «никак не обнаруживая расстояние между собственной субъектной сферой и субъектной сферой героя, который является одновременно субъектом воспринимающим и мыслящим» [7, с. 283]. Формальными показателями внутренней точки зрения являются предикаты ментальной деятельности, восприятия, ощущения [13]. «Реконструирование» внутренней сферы человека «изнутри» и «извне» (с позиции стороннего наблюдателя) обуславливает привлечение двух типов модусных рамок – Я-модусной и не-Я модусной, которые вербализуют разные способы концептуализации внутренних состояний. В первой события интенциональной сферы квалифицируются самим субъектом состояния (субъектом диктума), который одновременно является и субъектом речи; во второй – квалификация или оценка осуществляется со «стороны третьих лиц», при этом субъект диктума не совпадает с субъектом модуса [12, с. 116].

В ходе анализа обширного фактического материала мы смогли убедиться, что языковая презентация дискурса человека сомневающегося через «Я»-модусную рамку при использовании несобственно-прямой речи представлена вопросительными предложениями, которые подразделяются на подлинно вопросительные (1,2) и формально вопросительные (3), ср.:

1) *Could this beat-up volume possibly be the solution to a disturbing mystery? Could someone really have been murdered over this brown bird of a book?* She began turning the page [16, p. 216];

2) She knew very little about Mariah's background and whether there was something in her past that had conditioned her to participate in Burke's death. *Or had her involvement been circumstantial? Would Claire have assisted Burke if he had asked for her help?* She didn't think so. [16, p. 187].

3) She walked away, and Claire watched her weave through the crowd, wondering *if she might have been drinking something other than punch* [16, p. 127].

По мнению Л.Н. Юровицкой, эксплицитно выражать сомнение способны лишь те вопросы, которые могут быть переформулированы в утверждение «Я сомневаюсь, что Р, и прошу Вас подтвердить или опровергнуть это» [15]. Например, вопросы, которые начинаются со слов *Can / Could <it be that...>?, Is it possible that...?, Is it <really> true that...?* и т.п. Так, в 1) сомнение персонажа выражается при помощи вопросов *Could this beat-up volume possibly be the solution to a disturbing mystery? Could someone really have been murdered over this brown bird of a book?* Героиня как будто спрашивает себя, действительно ли потрепанная книжка может быть ключом к тайне и правда ли из-за нее можно совершить убийство.

В 2) сомнение имплицитно выражается в общих вопросах (*Or had her involvement been circumstantial? Would Claire have assisted Burke if he had asked for her help?*) Героиня сомневается в случайном участии девушки в смерти пожилого человека и в собственной возможности помочь больному умереть. Из 3) явствует, что героиня не уверена, действительно ли ее подруга на вечеринке пила только пунш (*Claire watched her weave through the crowd, wondering if she might have been drinking something other than punch*). Анализ эмпирических данных показал, что значение сомнения во многих вопросах определяется их контекстом и речевой ситуацией. Данные вопросы могут не содержать в своей структуре лексем, репрезентирующих состояние сомнения, но, тем не менее, мы можем квалифицировать испытываемое говорящим субъектом состояние как сомнение.

Интересным представляется тот факт, что сомнение часто является результатом удивления. Объяснение данному феномену можно найти в теории «интеллектуальных эмоций» И.А. Васильева [4]. Удивление обусловлено мыслительным процессом, в ходе которого выясняется, что «новое» знание не может быть объяснено прошлым опытом субъекта или противоречит ему, вследствие чего возникает сомнение в его истинности. Так, в 4) в вопросительных предложениях, являющихся несобственно-прямой речью, вместе с сомнением актуализируется значение удивления, ср.:

4) «Thank you», she heard him say while he held court in the middle of the room, playing the part of gracious host. «To be sure, I'm extremely proud of these prints. It is an honor for me to be able to exhibit them here».

I? Claire thought, Me? Remembering how Harrison had resisted her idea [16, p. 159].

Из контекста мы знаем, что некоторое время назад героиня предложила своему начальнику провести выставку редких фотографий, но он отказался, поскольку не считал их произведениями искусства. Однако выставка состоялась и имела большой успех. Во время ее проведения начальник вел себя так, как будто он был инициатором мероприятия, что вызвало удивление у героини. В то же время она сомневается в истинности его слов относительно того, что он гордится представленными снимками и что для него честь проводить выставку.

В ходе исследования мы обратили внимание на тот факт, что сомнение может сопровождаться гневом. Теория «базовых эмоций» признает существование некоторых основных, генетически первичных эмоций, которые, сливаясь друг с другом и приобретая различные оттенки, образуют все остальные эмоции. Состав базовых эмоций различен в работах разных психологов, но практически все они (12 из 15) относят к ним гнев. Если следовать теории базовых эмоций в понимании Р. Плучика, то гнев относится к прародителям сомнения [17]. Когда человек зол, он ищет причины своих неудач, оценивает альтернативы, сомневается в их правильности, ср.:

5) «A copy of the Austin / Adams folio was stolen from my truck».

«You ... truck?» Claire flashed. She felt she was being ridiculed, and she wondered why. *Because she was older? Because she wasn't skinny as a stick and dressed in Santa Fe black? Because she drove a truck? Maybe Jennifer hadn't been in New Mexico long enough to know that in this state it was considered chic to drive a truck, especially when you had no use for one, Claire thought* [16, p. 211].

Так, в 5) героиня вспыхнула от гнева, поскольку интерпретировала вопрос собеседницы как насмешку. В то же время она пытается понять, что же стало причиной этого. Не отдав предпочтения ни одной из альтернатив, героиня пребывает в состоянии сомнения.

Вопросительные предложения в несобственно-прямой речи тяготеют к созданию подтекста с целью «настроить» читателя, вызвать у него определенно направленный поток мыслей, ассоциаций, чувств. Из эмоциональных коннотаций, создаваемых вопросительными предложениями в макроструктуре текста, самыми типичными можно считать проблемность, неуверенность, сомнение, а также заинтересованность, причастность, контакт, сближение.

-
1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 500 с.
 2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.
 3. Британ, И.Б. Вопросительные предложения в авторской речи художественного текста: На материале произведений немецких авторов и их переводов: Дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2005. – 183 с.
 4. Васильев, И.А. Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 192 с.
 5. Виноградов, С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Т.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1996. – С. 121-152.
 6. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
 7. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. – Изд. 2-е. – М.: ИРЯ РАН; МГУ, 2004. – 544 с.
 8. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
 9. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
 10. Плотникова, С.Н. Человек и персонаж: Феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс / под ред. проф. Е.И. Шейгал. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 89-104.
 11. Плотникова, С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология». – Иркутск: ИГЛУ. – 2008. – № 1. – С. 131-136.
 12. Семенова, Т.И. Лингвистический феномен кажимости. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 237 с.
 13. Успенский, Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
 14. Федотова, О.С. Соотношение интроспекции и несобственно-прямой речи // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 25-29.
 15. Юровицкая, Л.Н. Английский лингвокультурный концепт «Сомнение» и способы его языковой манифестации: Дис. ...канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 171 с.
 16. Plutchik, R. Emotions: Theory, Research, and Experience. – N.Y.: Academic Press, 1980. – 399 p.
 17. Gieson, J.V. The Stolen Blue. – N.Y.: Penguin, 2000. – 245 p.